

ДЕПАРТАМЕНТ ОБРАЗОВАНИЯ ГОРОДА МОСКВЫ
Государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования города Москвы
«МОСКОВСКИЙ ГОРОДСКОЙ
ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ГОРИЗОНТЫ ЗРЕЛОСТИ

Сборник тезисов участников
Пятой всероссийской конференции
по психологии развития

Москва 2015

ДЕПАРТАМЕНТ ОБРАЗОВАНИЯ ГОРОДА МОСКВЫ
Государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования города Москвы
«МОСКОВСКИЙ ГОРОДСКОЙ
ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Горизонты зрелости

Сборник тезисов
участников Пятой всероссийской
научно-практической конференции
по психологии развития

Москва, 2015

2. Лиознова Е.В. Образовательный консалтинг в повышении квалификации // От декларативного знания к практике. Курск: КГМУ, 2013. С. 62–67.
3. Лиознова Е.В. Разработка и апробация метода диагностики особенностей развития субъекта общения (ОПСО) // Психологическая наука и образование psyedu.ru. Электр. журнал, 2014. № 2. – С. 334–344.

Виртуальная зрелость семейно-брачных отношений

Малиновский Е.Л., Кубанская Л.Л.

Дискурс «7—Я» призван декодировать «распутье» (лат. *discurr*) количественного «7» и качественного «Я» измерений личности в реальном и виртуальном жизненном пространстве. Реалии среднестатистической белорусской семьи с ее матэрнализмом – «Люба мамка ты мне, ажані ж ты мяне» – трудно представить вне российской феминной гиперопеки «Я тебя спасла из того, что было, а потом что было, то и полюбила». Чего еще не хватает современным супругам, так это готовности к виртуальной зрелости, то есть такому упреждающему поведению личности, которая осознает свою индивидуальность в авторском сотворении. Автор – это третья, сакральная фигура в соотношении сексуально-детородной активности с результатом самореализации взрослой личности. Вдохновенное метафизикой красоты соавторство мужа имеет мало общего с отчаянной попыткой соавторства семейной социализации. В свою очередь, вожделенному женой качеству благополучия противостоит количество мотивов достижения, которые редуцируют и унифицируют захваченные у метафизической природы символические объекты: «Столовые и детские сады – ростки коммунизма» (В. И. Ленин). Утрата критической оценки общепита и общественного воспитания равносильна утрате авторства. Вместе с тем, жена-личность – это автор устраивающий новую виртуальную реальность: «Мудрая жена устроит свой дом, а глупая разрушит своими руками» [1, Притч 14]. Такое устройство не возможно без мужественного интеллекта. Мужество (лат. *virtus*) является атрибутом вида *homo sapiens*, а «примат интеллекта над верой» служит, по Томе Аквинскому, первой интенцией зрелости: *cognitio dei experientialis* есть экспериментальное постижение Бога. Утрата способности к интеллектуальному усилию равнозначна утрате виртуальной зрелости [2]. Исторический факт, по которому мать в еврейской семье времен Иисуса Христа занималась воспитанием сына лишь до трех лет, имеет свое продолжение в ответственности отца за его нравственное становление (мусар, ивр. מוסר буквально «мораль»). С моралью ребенка отец связывает трансцендентальный взгляд на вещи, запредельные социализации. Объекты виртуальной зрелости, такие как *Ding an sich*, невидимая «Вещь в себе», в трудах Э. Канта согласуются с апперцепцией категорического императива: «Звездное небо над головой и нравственный закон внутри нас». Моральный субъект всегда согласует реальные объекты с Законом Моисея или Евангелием. Если быть уверенным, что «В на-

чале было слово», то виртуальный образ отнюдь не имитируется компьютерной анимацией, но достигается трудным личностным выбором новой гласности Духа. В то же время, так называемая «Виртуальная реальность» по определению лишь репродуцирует электрон (греч. ἤλεκτρον), то есть янтарь. Но ископаемая смола не может быть источником какой-либо реальности, являясь только символом: «Слезы моря» или «Дар солнца». Так и компьютерная технология обладает лишь «Покрывалом майи», как и янтарь покрывает тело женщины искусственными деталями стиля. Тем не менее, психологическое осмысление стиля как особого типа взаимодействия между разнообразными объектами способствует, по С.С. Хоружему, их расположению на разных иерархических уровнях, включающих в том числе специфические духовные отношения порождающего воображения и порождаемой символики [3].

Применение структурно-психоаналитической триады Ж. Лакана «Воображаемое – символическое – реальное» становится уместным в идентичности супругов относительно их виртуальной зрелости. Для того, чтобы знать, кто есть виртуальный индивидуум, не лишним будет его сравнение с таким выпрешенным носителем стиля, как социальный психолог, сам по себе остающийся, по сути, «голым» как андерсенский «король» или библейская Ева в образе «Спящего социального работника», оставленного художником Люсьеном Фрейдом даже без «фиговых листьев» бюджетной зарплаты. Объект созависимости психолога клиент, социализировано не пьющий, но реально аддитивный, орально фиксированный на женщине без границ, позволяющий ей верховодить и подверженный истерическому фигурированию в среде близких. Это субъект, альтернативный классическим представлениям мужа-отца как надежного суверена добра и справедливости, генератора любви и веры. Социализированный муж-сын фиксирован на анальной стадии психосексуального развития с усредненной моделью мужика (с ударением на первый слог), эгоцентрика-функционала, закрученного схемой-апперцепцией на пересечении различных символических структур бессознательного. Для данной модели отношений характерна смена атрибутов: семья не является субъектом патриарха, а папа оказывается субъектом семьи в материнской школе. Сам по себе папаша не есть «Некто» иной, благородно дистанцированный как «Имя Отца» у Ж. Лакана, но, как все мамины дети, он подконтрольный заместитель символической функции: «ученик», «добытчик», «водитель», «спонсор», «аппаратор». Отсюда скрытый конфликт между символическим носителем канонизированных ролей и воображаемым «Я» асертивным, ибо не существует асертивности (лат. assertor — защитник) без вдохновенного Богом libido.

В отличие от «Спящего социального работника», виртуальный психолог обладает альтернативным «рамочным» (англ. frame) горизонтом эмпирических возможностей семьи в мудрости lieben und leben – любить и жить. С точки зрения Д.У. Винникота, «достаточно хорошей теорией» служит классический психоанализ в его дополнении психотерапией объектных отноше-

ний, где центральное место отводится потребности субъекта быть сцепленным (*cohaerere*) с объектами либидо: «Где было Я, должно стать Оно», при этом любовь оставляет за собой право виртуального безумия, точнее «безумствования». Если когерентность семейных отношений характеризуется замещением *libido* поиском удовольствия, то снятие фиксации на оральном объекте предполагает психоаналитический переход к совладанию в виде якорения, при котором в качестве целостного объекта выступает виртуальная личность, свидетельствующая, например: «Каждый из вас так любит свою жену как себя самого, а жена да убойтся мужа» [1, Эф 5, 33]. Исследование чувства страха как отсутствия целостного ощущения тела привело Винникота к пониманию парциального объекта как реальной топики «Я» с его мысленными репрезентациями, фантазиями, идеями, воспоминаниями, публицирующими реальные представления в символику сцен и сентенций [4]. В наших условиях, это, например, «гречневая каша – матушка наша, а хлебец ржаной – отец наш родной»; «Для кого Церковь не мать, тому и Бог не отец» (Тертуллиан); «Царь-батюшка» и «Родина мать зовет». Признание Винникотом наличия эдиповой патологии с метафорой транспозиционных объектов способствует их расстановке по всем трем стадиям деконструкции «Загадки Сфинкса»:

1. Удерживающая (*Holding*) «на четырех» стадия дикости доэдипового окружения, погружающая синкретную личность ребенка в реальный объект родительства при инцестуальном множестве отцов, которые провоцируют природный страх, отчасти снимаемый материнской грудью на фоне виртуальных фантазий «я и Он».
2. Символизирующая (*Madonna et humilis*) стадия «на двоих» с младенцем как «Социальным животным», инфантильно переживающим парциальные объекты в их реальной конфронтации к Имени Отца – Эдипов комплекс.
3. Персонифицирующей «Именем Отца» путь либидозной зрелости сына (*filio*) в правовое поле виртуальной семьи «на троих» (Отец–мать–сын).

Первое упоминание топической схемы виртуальной зрелости связано с ранневизантийской патологией IV века. В частности, в трактате Василия Великого «Беседы на Песноднев» обсуждается образ Божий в женщине от сотворения Евы из ребра Адамова: «Некая реальность может породить другую реальность, законы существования которой не будут сводиться к законам порождающей реальности. Бог явился Отцом ради усыновления человека» [5]. Здесь виртуальность понималась в значении вложенной в недрах Отца (гр. *κόλπον* – влагающее) потенции Сына [1, Ин 1, 18]. Если реальное женственное качество характеризуется «чистотой» (*casta*), то виртуальное мужественное качество доблестью, а виртуальное женственное – честью, верифицируемую правовым полем семьи. Виртуальный смысл идиомы «мужественная женщина» по праву дискредитирует порочную реальность «женственного мужчины», то есть нарцисса, не сомневающегося в собственной уникальности. Картезианское сомнение в форме

dubito ergo cogito, ergo sum продолжает ныне оставаться в обойме интеллектуального развития мужчин и женщин. Но любовь, как само либидо, всегда несомненна, ибо где «со-мнение», там соблазн [1, Мф 16, 21]. Стоило только экспериментатору Ван Росему руками перенести несколько самок-улиток на другие клетки шахматной доски, как их самцы, находящиеся в соседней комнате, стали «без сомнения» менять позицию на своей доске, в точности повторяя новую расстановку самок. Подобный, только более жестокий эксперимент с улитками провел еще в 1878 г. Гуго Цайман. Когда к самке подносили проводка, ее самец, находящийся на другом берегу водоема, реагировал хвостом на удар током. Вот так метафора «Плоти от плоти моей» [ср. 1, Быт 2, 23]. Что касается «Кости от кости моей» (там же), предположим, что «ребром Адама» может на поверку оказаться ген, оперативно выключенный Богом на студии «Глубокого сна» [1, Быт 2, 21], когда, в преддверии эпоху палеолита, неолита стал anima animals или «душою живою» [ср. 1, Быт 2, 7]. Генетики утверждают, что кость в пенисе (os penis), имеющаяся у большинства животных (бабулом у моржа около 50 см), в том числе приматов, исчезла у наших соплеменников вместе с течкой и инцестом [6]. Ее отсутствие породило, с одной стороны, сомнение мужа относительно удачного коитуса. Кость в пенисе раздражала острые ощущения, но, жесткий и очень короткий половой акт. С другой стороны, взятие «ребра» у мужчины способствовало гиперсенсуальности человека с продолжительным половым актом как части интимных, согревающих душу и стабильных, доверительных супружеских отношений. В результате «безреберья» античный муж обрел, как по Аристотелю, anima est entelechia et forma corporis, или душу, целесообразную для формирования тела: «Взял одно из ребер его и закрыл то место плотью» [2, Быт 2, 21]. Рожденное место или топос обретает реальный центр греческой культуры: от пояса Пенелопы до храма Парфенон (Παρθένος — Дева). Римская античность вносит в эту культуру элемент мужественной героизации. Как «виртуальность» осеменена этимолом vir (лат., муж), так непорочность Виргинии (virginia — взятая от мужа) овеяна легендой, по которой ее отец, плебей, не нашел другого выхода для сохранения чести дочери, как лишить ее жизни перед циничным тираном. Для бедняка, ослабленного неведением. Небесного, оставался только один выход — трагедия Эдипа. Однако, с пограничьем «живого богача непорочным нищим» [1, Пр 19] начинается вдохновенная реализация веры, надежды и любви через Рождество Сына. Впервые виртуальным духовным источником человека становится потенция возможного мужества в акте непорочного деторождения. Логос кастрировал насильника и дегероизировал мужчину «Во имя Отца» [1, Ин 5, 47]. Имя становится трансфером подобия в становлении личности. Любовь — ἀγάπη — утверждает verum corpus, истинное тело в единстве женского, мужского и Божественного.

В конце осталось место для извечного вопроса «Зачем бояться мужа?». Полагаем, что бояться жена должна не кого, а чего — провокации собственной

оставленности как жестокой социальной реальности. Ведь для оставленной существует только социальная молитва и символическая карьера. Несчастнее этого только социальная наука с ее метанарративами без текста, ибо текст есть неразрывная ткань, «хитон» мысли и образа. Объектно–событийный подход к исследованию семейных отношений предполагает создание такой «безмятежной среды» (Я. Корчак), при которой зрелая семья обладает самодостаточным генезисом компетентности в отношении к труду и науке как «единому на потребу» [1, Лк 10, 47]; в отношении к жене как своему телу; в отношении к детям как новому миру; в отношении к супругу как «мужу по сердцу» [1, 1 Цар 13, 14]. Если невозможно человеку без конфронтации «с той единственной гражданской» (Б. Окуджава), то и здесь он всегда получит возможность выхода из экзистенциально тупикового «Процесса», решительно открыв ту единственную дверь, которую Фр.Кафка описал лично для него.

Литература

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – Брюссель: «Жизнь с Богом», 1983. – 2525 с.
2. Настольная книга священнослужителя в 8 т. Т. 1. / Изд. благосл. Св. Патр. Пимена. – М.: Московская Патриархия, 1988. – 800 с.
3. *Ромер А.* Анатомия позвоночных. В 2 т. / Под ред. Ромер, Томас Парсонс // Пер. с англ. А.Н. Кузнецова, Т.Б. Сидоровой. – М.: Мир, 1992. – 406 с.
4. *Хоружий С.С.* Род или недород: заметки к онтологии виртуальности / С.С. Хоружий. О старом и новом. – СПб.: Алетейя, 2010. – С. 311–352.
5. *Шарф Д.* Основы теории объектных отношений / Шарф Джил С., Шарф Дэвид Э. – М: Когито-центр, 2009. – 304 с.
6. *Meczyslaw A. Krapec, Andrzej Marynarczyk.* Nowy o metafizyce / M. Krapec, A. Marynarczyk – Lublin : POLSKIE TOWARYSTWO TOMASZA Z AKWINU, 2002. – 127 s.

Роль эмпагии в профессиональной деятельности специалистов социэкономических профессий

Максименко Ж.А.

Известно, что профессиональное развитие человека начинается задолго до того как он соприкоснется с определенным классом профессий. Известно также, что профессиональная деятельность во многом определяет направление дальнейшего развития личности, становится неразрывно связана с ней. Еще в исследованиях Е.А. Климова [1] отмечено влияние профессии на формирование сходных интересов, привычек, установок, манеры поведения, традиций, черт личности ее представителей. Это позволяет говорить об идентификации личности с профессией, усвоении и отражении в личности основных особенностей конкретной профессии (например, аккуратность и педантичность бухгалтера или смелость и решительность летчика).

Процесс профессиональной идентификации наиболее успешно протекает у людей, способности которых наилучшим образом соответствуют требова-